

Алексей Константинович Толстой

Семья вурдалака

Неизданный отрывок из записок неизвестного

-1-

События происходили в 1815 году в Вене. Два раза в неделю весёлое общество, к которому принадлежал и я, собиралось у княгини Шварценберг. Хозяйка дома была мила, приветлива, остроумна, и гостить у неё было очень приятно.

По утрам мы обычно ходили на прогулку. Обедали мы все вместе либо в замке, либо в его окрестностях, а вечера проводили у камина, беседовали и рассказывали всякие истории.

Среди нас был маркиз д'Юрфе. Все любили этого старика-эмигранта за его чисто юношескую весёлость и ту особую остроту, которую он придавал рассказам о своих былых любовных похождениях. Однажды вечером он вдруг сказал:

– Ваши истории, господа, весьма необыкновенны, но я думаю, что им недостаёт одной существенной черты – подлинности. Никто из вас своими глазами не видел те удивительные вещи, о которых рассказывал, и не может подтвердить их истинность.

Нам пришлось с этим согласиться, и старик продолжал:

– А мне, господа, известно одно приключение, настолько страшное и настолько достоверное, что ввергнет в ужас любого. К моему несчастью, я был и свидетелем и участником этого события. И сегодня я готов рассказать о случившемся.

Слушать захотели все. Господин д'Юрфе взял щепотку табаку, медленно потянул её и начал:

– Прежде всего, господа, прошу у вас прощения, если мне придётся говорить о моих любовных увлечениях чаще, чем это подобает человеку в моём возрасте. Но ради полной ясности мне о них нельзя не упоминать.

* Pokud chcete zdůraznit, že se nějaký děj odehrává pravidelně, použijte následující ruskou vazbu: **предложка ПО + 3. pád množného čísla**: по утрам (*každé ráno*), по вечерам (*každý večer*), по вторникам (*každé úterý*), по будням (*každý všední den*).

Alexej Konstantinovič Tolstoj

Vlkodlaci

Nevydaný úryvek ze zápisů neznámého

-1-

Události se odehrály v roce 1815 ve Vídni. Dvakrát v týdnu se veselá společnost, k níž jsem také náležel, scházela u kněžny Schwarzenbergové. Hostitelka byla milá, přívětivá, vtipná a být jejím hostem bylo velmi příjemné.

Po ránu jsme obvykle chodili na procházky. Obědvali jsme společně buď na zámku, nebo v jeho okolí, večery jsme pak trávili u krbu, besedovali a vyprávěli si různé příběhy.

K naší společnosti patřil i markýz d'Urfé. Všichni tohoto starého pána, emigranta, měli rádi pro jeho ryze mladický elán a pro ten zvláštní říz, který dodával příběhům o svých milostných escapádách. Jednou večer najednou řekl:

– Vaše příběhy, pánové, jsou velice neobvyklé, myslím si však, že se jim nedostává jedné podstatné črty, a to pravdivosti – nikdo z vás neviděl na vlastní oči ty podivuhodné věci, o nichž tu vyprávěl, a nemůže proto potvrdit jejich pravdivost.

Nezbylo nám, než s ním souhlasit, a stařík pokračoval:

– Znáám, pánové, jeden příběh natolik strašlivý a natolik hodnověrný, že každého vyděsí. K mému neštěstí jsem byl svědkem i účastníkem této události. A dnes jsem připraven vám o tom, co se stalo, vyprávět.

Poslouchat chtěli všichni. Pan d'Urfé si vzal špetku tabáku, pomalu si šňupl a začal:

– Především mne, pánové, prosím omluvte, pokud budu muset hovořit o svých srdečních záležitostech častěji, než je to vhodné pro člověka mého věku. Avšak v zájmu úplné srozumitelnosti je nemůžu nezmínit.

* Móda šňupat tabák se v Evropě objevila v polovině 17. století a udržela se téměř dvě století. Ruský výraz «щепотъ, щепотка» označuje malé množství čehokoli sypkého, co je možné nabrat třemi prsty, jejichž konečky jsou spojeny k sobě. Odpovídá českému výrazu „špetka“, se kterým se také často setkáváte v kuchařských receptech ve významu špetka soli, špetka pepře.

В то далёкое время я был без памяти влюблён в прекрасную герцогиню де Грамон. Эта любовь не давала мне покоя ни днём, ни ночью. Герцогиня не отвечала мне взаимностью, а только усиливала мои страдания своим кокетством. И тогда, в минуту крайнего отчаяния, я решил переехать по службе в другой город. Накануне отъезда я явился к герцогине. Она отнеслась ко мне менее насмешливо, чем обычно. В голосе её чувствовалось волнение, когда она мне сказала:

– Д'Юрфе, вы делаете очень неразумный шаг. Но я вас знаю, и понимаю, что от принятого решения вы не откажетесь. Поэтому прошу вас только об одном – возьмите вот этот крестик как залог моей дружбы и носите его, пока не вернётесь. Это семейная реликвия, которой я очень дорожу.

Я надел на шею вот этот крестик, с которым с тех пор не расставался.

Итак, я уехал. Проездом я оказался в одной сербской деревне. Обитателей дома, в котором я остановился, я нашёл в состоянии подавленности. Это удивило меня ещё и потому, что дело было в воскресенье – день, когда сербы обычно веселятся и развлекаются. Сначала я подумал, что печальное настроение этих людей связано с недавно случившейся бедой. Я хотел уйти, но ко мне подошёл высокий и крупный мужчина лет тридцати.

– Входи, – сказал он, – входи, чужеземец, и пусть не пугает тебя наша печаль; ты её поймёшь, когда узнаешь причину.

И он мне рассказал, что несколько дней назад его отец, которого звали Горча, поднялся с постели, снял со стены длинную турецкую пищаль и обратился к своим сыновьям, Георгию и Петру:

– Дети, я иду в горы, хочу с другими смельчаками поохотиться на Алибека (так звали разбойника-турка, который в последнее время разорял весь край). Ждите меня десять дней, а если на десятый день не вернусь – значит, меня убили. Но если я вернусь позднее, то не впускайте меня в дом. Если будет так, приказываю вам: забудьте, что я ваш отец, и вбейте мне осиновый кол в спину, потому что я теперь проклятый вурдалак и пришёл сосать вашу кровь.

* без пámяти (*fraz.*) – velmi silně

V těch dávných dobách jsem byl bláznivě zamilován do překrásné vévodkyně de Garmon. Ta láska mi nedoprávala klidu ve dne v noci. Vévodkyně mou lásku neopětovala a pouze zesilovala mé trápení svou koketerií. A tehdy, v okamžiku naprostého zoufalství, jsem se rozhodl odjet služebně do jiného města. V předvečer odjezdu jsem navštívil vévodkyni. Chovala se ke mně méně výsměšně než obvykle. Její hlas zněl rozrušeně, když na mne promluvila:

– D'Urfaei, děláte velmi nerozumný krok. Já vás ovšem znám a chápu, že od učiněného rozhodnutí už neustoupíte. Proto vás prosím jen o jedno – vezměte si tento křížek jako důkaz mého přátelství a noste jej, dokud se nevrátíte. Je to rodinná památka, již si velmi cením.

– Navlékl jsem si tento křížek na krk a od té doby jsem se s ním nerozloučil.

Nuže tedy, odjel jsem. Cestou jsem se ocitl v jedné srbské vsi. Obyvatele domu, v němž jsem se zastavil, jsem našel v ponuré náladě. To mne překvapilo i proto, že byla neděle, den, kdy se Srbové obvykle veselí a baví. Nejprve jsem si pomyslel, že smutná nálada těchto lidí má něco společného s nedávným neštěstím. Chtěl jsem již odejít, avšak přistoupil ke mně asi třicetiletý, vysoký, mohutný muž.

– Vejdi, – řekl, – vejdi, cizinče, a nechť tě neleká náš zármutek; pochopíš ho, až poznáš příčinu.

A vyprávěl mi, že před několika dny jeho otec, jenž se jmenoval Gorča, vstal z postele, sundal ze stěny dlouhou tureckou mušketa a řekl svým synům, Georgiovi a Petrovi:

– Děti, jdu do hor, chci se s ostatními odvážlivci zúčastnit honu na Alibeka (tak se jmenoval turecký loupežník, který v poslední době plnil celý kraj). Čekajte na mne deset dní, a pokud se desátý den nevrátím, pak to znamená, že mne zabili. Pokud se však vrátím později, nepouštějte mne do domu. Jestli se tak stane, příkazuji vám: zapomeňte na to, že jsem váš otec, a vtlučte mi do zad osikový kůl, protože jsem odted' prokletý vlkodlak a přišel jsem sát vaši krev.

* **Mušketa** je starodávná těžká pistole nabíjená zepředu.

Надо сказать, что *вурдалаки* – это мертвецы, которые встали из могил, чтобы сосать кровь живых людей. У них те же повадки, что у всех вампиров, но есть и одна особенность. *Вурдалаки* сосут предпочтительно кровь у своих близких родственников и лучших друзей. А когда те умрут, то тоже становятся вурдалаками. Говорят, будто в Боснии и Герцеговине население целых деревень превращалось в *вурдалаков*.

Теперь вам легко представить, какое действие слова старого Горчи произвели на его сыновей. Они упали к его ногам и умоляли, чтобы он позволил им отправиться вместо него. Но тот молча повернулся к ним спиной и пошёл прочь. День моего приезда был как раз десятый день от ухода Горчи, и мне было нетрудно понять волнение его детей.

Это была дружная семья. Старший сын Георгий был, по-видимому, человек строгий и решительный. Он был женат, и у него было двое детей. У Петра, красивого восемнадцатилетнего юноши, лицо было мягким, и его особенно любила младшая сестра Зденка.

Об этой девушке я хочу сказать особенно. Кроме её красоты, меня поразило и её отдалённое сходство с герцогиней де Грамон. У этих двух женщин была особенная черта – складочка над глазами, которую я больше никогда ни у кого не встречал. Эта чёрточка могла и не понравиться с первого взгляда, но стоило увидеть её несколько раз, как она с неодолимой силой привлекала вас к себе. С первой минуты я испытал к Зденке симпатию. Возможно, она обязательно превратилась бы в нежное чувство, если бы я дольше остался в той деревне.

Мы все сидели во дворе за столом. Зденка пряла, Пётр что-то насвистывал. Георгий не сводил глаз с дороги и молчал. Я же меланхолично глядел на вечерние облака и на очертания монастыря, который виднелся над соновым лесом.

Этот монастырь, как я узнал позднее, славился чудотворной иконой богоматери. По преданию, её принесли ангелы и оставили на ветвях дуба. Но в начале минувшего века в те края вторглись турки, они убили монахов и разорили монастырь. Оставались только стены и часовня, где службу совершал некий отшельник. Он водил посетителей по развалинам и давал приют богомольцам, которые охотно останавливались в монастыре «божьей матери дубравной». Всё это, как я уже упомянул, мне стало известно лишь впоследствии.

* Dejte pozor na skloňování slov **деревня, кўхня, бáрышня!** Tvar 2. pádu množného čísla mají totiž na rozdíl od ostatních podobných slov (podstatná jména ženského rodu na -ня s předcházející souhláskou) S MEKKÝM ZNAKEM: бáшен, в́ишен, ALE *деревѣнь, кўхонь, бáрышень!*

Dlužno říci, že vlkodlaci jsou mrtví, kteří vstávají z hrobů, aby sáli krev živých lidí. Mají stejné zvyky jako i ostatní vampýři, je tu však jedna zvláštnost. Vlkodlaci sají přednostně krev svých blízkých příbuzných a nejlepších přátel. A když ti zemřou, rovněž se stávají vlkodlaky. Říká se, že v Bosně a Hercegovině se ve vlkodlaky proměňovaly celé vesnice.

Nyní si snadno představíte, jaký účinek měla slova starého Gorči na jeho syny. Padli mu k nohám a zapřísahali ho, aby se mohli vydat do hor místo něj. Ten se k nim však mlčky obrátil zády a odešel. Byl zrovna desátý den od odchodu Gorči, když jsem projížděl kolem. Nebylo pro mne obtížné pochopit neklid jeho dětí.

Byla to přátelská rodina. Starší syn Georgij byl podle všeho člověk přísný a rozhodný. Byl ženatý a měl dvě děti. Petr byl krásný osmnáctiletý mladík jemných rysů a velmi ho milovala mladší sestra Zdenka.

O téhle dívce bych se chtěl zmínit zvlášť. Kromě její krásy mne překvapila i její vzdálená podoba s vévodkyní de Garmon. Tyto dvě ženy měly společný neobvyklý rys – vrásečku nad očima, se kterou jsem se už nikdy u nikoho jiného nesetkal. Tahle rýha se nemusela na první pohled líbit, stačilo ji však několikrát zahlédnout a již vás k sobě neodolatelně přitahovala. Od první chvíle jsem pociťoval ke Zdence sympatii. Byla by se jistě změnila na něžný cit, pokud bych v té vsi zůstal delší dobu.

Všichni jsme seděli u stolu na dvoře. Zdenka předla, Petr si něco pohvizdoval. Georgij nespouštěl oči z cesty a mlčel. Zatímco já jsem si melancholicky prohlížel večerní oblaka a obrysy kláštera, jenž probleskoval nad borovicovým lesem.

Tento klášter, jak jsem se dozvěděl později, proslul svou zázračnou ikonou Matky Boží. Podle pověsti ji přinesli andělé a zanechali na větvích dubu. Avšak na začátku minulého století do toho kraje vtrhli Turci, zabili mnichy a klášter vydrancovali. Zůstaly jen stěny a kaple, v níž sloužil mši jakýsi poustevník. Provázel návštěvníky po rozvalinách a poskytoval útočiště poutníkům, kteří se ochotně zastavovali v klášteře „Matky Boží pod dubem“. To vše, jak už jsem zmínil, jsem se ale dozvěděl až později.

* **не сводить (не спускать) глаз** с кого/чего (*fraz.*) – pozorně, upřeně se na někoho/něco dívat, nespouštět zrak